

Борис
ЛЕВИТ-БРОУН

АНДРЕЙ
ПЛАТОНОВ,
ГЕОРГИЙ
ИВАНОВ
И ДРУГИЕ...

Тела мысли (Алтейя)

Борис Левит-Броун

**Андрей Платонов, Георгий
Иванов и другие...**

«Алтейя»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Левит-Броун Б.

Андрей Платонов, Георгий Иванов и другие... / Б. Левит-Броун — «Алетейя», 2023 — (Тела мысли (Алетейя))

ISBN 978-5-00165-714-9

В новой книге Бориса Левита-Броуна собраны очерки, эссе и этюды разных лет и разных жанров. Автору случалось откликаться своим пером на события сиюминутные и драматические, как застигшая его в Италии смерть Марчелло Маттarella. Отливалось в законченную форму как спонтанно задуманное, - написать о поэзии Георгия Иванова, так и долго обдумывавшееся, как, например, - духовное виденье Андрея Платонова. Есть среди очерков и концептуальная критика постмодернизма, и критические статьи о современных поэтах, чье творчество близко автору, и даже размышления о самой скандальной литературной подделке последних десятилетий и о ее не менее скандальном авторе. На страницах этой книги будет о чем задуматься тем, кто любит острую нестандартную мысль, чем возмутиться - строгим моралистам, и о чем поплакать тем, кто сохранил восприимчивость к драме человеческих чувств. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-714-9

© Левит-Броун Б., 2023
© Алетейя, 2023

Содержание

20 концентрических кругов вокруг Андрея Платонова	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Борис Левит-Броун

Андрей Платонов, Георгий Иванов

и другие... Очерки, эссе, этюды

Издательская серия «Тела мысли»

Редакционный совет серии:

С.Т. Золян (БФУ им. И. Канта, ИФиП АН Армении)

А.Ю. Недель (Sorbonne, Paris)

И.А. Савкин (Санкт-Петербург)

Ж. Сладкевич (Uniwersytet Gdanski, Polska)

И.П. Смирнов (Univ. Konstanz, BRD)

Г.Л. Тульчинский (НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург)

М.Н. Эпштейн (Emory Univ., USA)

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Б.Л. Левит-Броун, 2023

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

20 концентрических кругов вокруг Андрея Платонова

Несколько слов. Россия проглотила Платонова и торжественно похоронила его в непонимании. Люди хоронят всё, лишнее для обыденности. Платонова проглотило невежество, выпав на отполированный профанацией булыжник платоноведенья целый грузовик щебня псевдопониманий. Читаешь платоноведов, диву даёшься! А то вдруг, – вот-вот, кажется, вроде бы, ещё шаг и... Да нет, какой там! У них Платонов — это Россия, русский народ, коллективизация, пролетариат... «в лучшем случае» умерший Бог, что угодно, только не то, чем этот боговдохновенный человек был на самом деле. Был не по своей воле, а по Персту вышнему. Читаешь, читаешь, ну... только и вспомнишь, что Генриха Сапгира: «Ах, ты чтоб!...». То им Платонов «слабый философ», поскольку «впитал набор ложных и опасных идей европейских мыслителей...надцатого века и смешал их с марксистским материализмом». То о его непостижимой алхимии толкуют, не имея сознания, что никакая это не алхимия, а просто *hobohemia* Андрея Платонова, его природное место, органика его духовного положения. Даже если в связи с Платоновым и заходит речь об Иисусе, то так только, ради противопоставления тупому большевистскому молоху-репродуктору – дескать, со Христом, Богом истинным, была обратная связь, его можно было спрашивать, с ним говорить, а с молохом ложного «бога», связь односторонняя, жестоко индоктринирующая, подавляющая и навязывающая – бесчеловечная, то есть, и безбожная. И вот Платонов – ни больше, ни меньше как свидетель мертвого Бога. Словно бы Платонов пользовал Бога только как разоблачительный жупел. А ведь Платонов слышал Бога живого! Особенно раздражает Бродский, который понимает тоньше других. Понимает-то тоньше, но феноменология платоновского языка начисто Бродского под собою похоронила. Он виртуозно ассоциирует этот фантастический язык со стилем житий святых и русскими классиками: «...если заниматься генеалогией платоновского стиля, то неизбежно придется помянуть житийное «плетение словес»». Поминает Бродский и Лескова с его тенденцией к сказу, и Достоевского с его «захлебывающимися бюрократизмами...», – но остаётся вовсе глух к своему же собственному «житийному» наблюдению, остановившись (то ли из равнодушия, то ли действительно не понимая) в одном шаге от констатации святоотеческой сути Андрея Платонова.

Платонов был духовно сильный, решительный человек, и он был разный, в зависимости от того, чем в разное время хотел и считал нужным быть. Это Платонов явный. Об этом Платонове, – мелиораторе, даже коммунисте, – и толкуют платоноведы. Но был ещё и тайный, главный Платонов, о котором сам Платонов, возможно, не догадывался, а скорей всего со змеиной мудростью и змеиной непроницаемостью (поди разбери, какое выражение «лица» у змеи!) не узнавал Себя в себе. Прямые спослания от Бога не вменяются, он всё равно не ответил бы на вопрос: «А как это у вас так выходит?..». Он не ответил бы, но мне-то Платонов слышен, слышен в самом главном своём качестве духовидца и медиума, свидетеля крайних гуманоидных ситуаций, транслятора предельных человеческих смятений и упований, какие и слышны только уху верующему. От Андрея Битова (док. фильм «Котлован») я слышал речь истинно духовную о Платонове, речь спонтанную, смысл которой сам Битов так и не сформулировал отчетливо. Его речь сбивчива, но верный интуиции он движется очень близко, совсем близко к истине: «Платонов – это голос отмены языка... язык Платонова это чудо, похожее на рождение слова, на мычание, на отсутствие слов...» – вот и его, как будто, начинает закручивать и погребать оползень платоновского языка, он тонет воображением в зыбучих песках платоновской речи. Но Битов всё-таки прорывается намного дальше, глубже других: «Платонов заговорил из абсолютного нуля, как камень, как немой, как пролетарий... как человек лишенный всего, голый. Голый человек в оголённом времени... и бьёт это, как оголённый провод». Формально (а возможно, из осторожности!) оставшись в архетипах времени и места, Битов всё-таки

сумел сказать то, в чём отсвечивает последняя правда о Платонове: «из абсолютного нуля, как камень, как немой... голый». Взгляд Платонова действительно добирается до «абсолютного нуля». Это универсальный взгляд на универсального человека – не крестьянина и не рабочего, не колхозника и не пролетария, не непременно русского, вообще не человека времени и места, а вселенского человека всех времен. «Абсолютный нуль» – это падший человек, человек голый и бессловесный, стоящий в наготе своей перед Богом среди воздвигнутого им самим ада. И тут больше, чем страна (хотя ад, конечно, русский), тут меньше, чем нагота, тут шире, чем народ и глубже, чем время. Тут не просто голый человек мира сего, тут человек без признаков, совлечшийся всего специфицирующего, лишенный покровов, – человек всеобщий, наиглубочайший, инициальный... раскрывающий голосами многочисленных персонажей Платонова своё истерзанное Адамово нутро, изрыгающий и источающий потаёнными мыслями свои сокровеннейшие надежды, свои испуганные чаяния, свои до наготы раздетые отчаяния – среди бессонницы ночей, глядя во тьму потухшей земли, слушая гипнотически ровный голос машины, вглядываясь в черты женщины, которою желаешь. Перед этой духовно-персона-листической глубиной голого и осознающего себя человека все остальные глубины Андрея Платонова, временные, социальные... даже этнические, – не более чем «отмели».

Это предельное содержание так очевидно, так колоссально довлеет всем остальным содержаниям Платонова, и в то же время так не осознано до сих пор, что теперь я счёл полезным извлечь из непомерного текста моей громадной книги «Зло и Спасение» – пусть живут особо – ниточки некоторых я-сно-видческих речений Андрея Платонова. Это лишь небольшая часть духовного сокровища, которое распластано тайной картой, затонувшим духовным градом, по дну озера литературы Андрея Платонова. Но пусть пока хоть это всплывёт, пусть хоть частично проступит и станет явной эта внутренняя очевидность. Вытягивая и собирая светоносные ниточки сказаний Платонова из моей книги, я не смог очистить их от себя совершенно. Пришлось оставить вокруг них минимальное контекстуальное волокно, чтобы нити не висли в вакууме, чтоб было понятно, зачем я обращался к просветленному Богом (живым, а не умершим Богом!) Андрею Платонову, для чего цитировал его и толковал.

* * *

1...сущности они не чувствуют...

Сущностно лишь то, что не тщетно, то есть непреходяще, нетленно. А не тщетен, нетленен, непреходящ лишь Дух. Только Дух свободен от тления, которому тотально подчинилась вся мировая плоть. Томление, о котором Проповедник говорит: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все – суета и томление духа!» /Еккл. 1, 14/ – и есть подтверждение нетленности Духа, страждущего над тленной плотью. Плоть истлевает, а Дух томится, не в силах избавить плоть от тления. Дух есть единственный не тщетный, не уходящий смысл, и Духу как смыслу невыносима бессмыслица падшего мира. Дух есть не только единственный в самом себе смысл, но и единственное смыслодающее. Сущности есть силою Духа раскрывающиеся в тварность логосные содержания. У Платонова так:

«Через версту стоял дом шоссейного надзирателя. Привыкнув к пустоте, надзиратель громко ссорился с женой, а женищина сидела у открытого окна с ребенком на коленях и отвечала мужу возгласами брани; сам же ребенок молча щипал оборку своей рубашки, понимая, но ничего не говоря.

Это терпение ребенка ободрило Вощева, он увидел, что мать и отец не чувствуют смысла жизни и раздражены, а ребенок живет без упрека, вырастая себе на мученье. Здесь Вощев решил напрячь свою душу, не жалеть тела на работу ума, с тем чтобы вскоре вернуться к дому дорожного надзирателя и рассказать осмысленному ребенку тайну жизни, все

время забываемую его родителями. *«Их тело сейчас блуждает автоматически, – наблюдал родителей Воцев, – сущности они не чувствуют».*

– Отчего вы не чувствуете сущности? – спросил Воцев, обратясь в окно. – У вас ребенок живет, а вы ругаетесь – он же весь свет родился окончить.

Муж и жена со страхом совести, скрытой за злобностью лиц, глядели на свидетеля.

– Если вам нечем спокойно существовать, вы бы почитали своего ребенка – вам лучше будет» («Котлован»)

Нет надобности объяснять, что такое «сущность». Платонов её показывает, и всё просто – сущность есть любовь. Любовь не как бытовая условность автоматического общежития, а как эротический трепет Истины, как внимательное, страстно благоговейное сосуществование с новым человеком, который, как и всякий ребенок, рождается краешком чистоты божией и потенциально мог бы окончить этот свет, тусклый и серый, непоправимо грязный рядом с его незапятнанностью, потому что: *«Людей называют, когда они маленькие и похожи на всё хорошее...» («Джан»)*. Накал невинности и добра, незнания и чистоты... чистоты от незнания, так велик в ребенке, свет нуждающегося любви в нём так ярък, что мир есть крест для этого маленького существа, ещё не растерявшего черт божественного первообраза и поэтому в час наречения имени похожего на всё хорошее. Событие, называющееся ребенок, и само есть сущность и взыскует сущности, потому что округ него должна дышать любовь, а любовь есть Дух Божий.

2...ещё не испробованное счастье...

Только сущности есть реальности, и только сущностное означает реальное. Сущности реальны именно потому, что сущность всегда есть некоторое о-Д ухо-творённое содержание, то есть такое содержание, в котором реализован или реализуется духовный смысл. Что Духа в себе не содержит, то лишено смысла, не есть сущность и не образует реальности. Бездуховное нереально. Сколько б ни были «убедительны» и даже давяще принудительны тяготы мира в их материальной сугубости: боль, страдание жизни, неотступные заботы, наконец, сама тленность, – всё это остаётся для нас ирреальностью, призраком. Платонов говорит: *«Чагатаев улыбнулся; он знал, что горе и страдание есть лишь призрак и сновидение, их может разрушить даже Айдым своими детскими силами; в сердце и в мире бьётся, как в клетке, невыпущенное, ещё не испробованное счастье, и каждый человек чувствует его силу, но чувствует лишь как боль, потому что действие счастья сжато и изуродовано в тесноте, как сердце в скелете» («Джан»)*, Дух сжат в падшей материи, умалён ею, сдавлен и подавлен плотью, как сердце в скелете... но! как сердце, он бьётся о бездуховную плоть, требуя восуществления в вечности, и мощь этого биения, давая человеку боль жгучую, но сладкую, самую болью доносит обетование иной жизни, иного, непризрачного смысла, смысла духовного.

3...будущего, равного по долготе и надеждам бессмертию.

Всё сущностное творится Духом Любви и творится для вечности, изначально желает вечности и желается на вечность. То есть всё любовное духовно определяется к бессмертию, иначе говоря, навсегда. У Платонова: *«...женщины, оставшиеся за столом, тоже были счастливы от внимания своих друзей, от окружавшей их природы и от предчувствия своего будущего, равного по долготе и надеждам бессмертию» («Джан»)*. Платонову свободно, как дыхание, дано, что даже о собственной жизни, которую они знают смертной, люди иногда думают, как о бессмертии. Ведь иллюзия долгого к тому ж и безымянного срока до смерти + любовное чувство к самому течению жизни, посещающее людей в минуты чувственных радостей, даёт облегчающее ощущение, что смерти как будто бы и вовсе нет. Неизбежность смерти, – заметил Жан де Лабрюйер, – отчасти смягчается тем, что мы не знаем, когда она настигнет нас; в этой неопределенности есть нечто от бесконечности и того, что мы называем вечностью.

Будущее же, как бессмертие, пусть и мнимое, пусть и краткое только ощущение, пусть даже и ошибочное (вечность – отнюдь не бесконечность времени, вечность – божественный порядок бытия, где время отсутствует!), всё равно уже есть в некотором смысле переживание... нет, скорей именно по-платоновски *«предчувствие»* вечности, как... *«будущего равного по долготе и надеждам бессмертию»*. Будущее, равное бессмертию, – это ли не сумма суммарум представлений о человеческом счастье!

4...любила его и готовила его в своём чреве для вечной жизни.

Что не желается на вечность, то не творится, а рождается или делается. Оно может быть плотью, предметом, может иметь природу, но не может иметь сущности. Если бы дитя человеческое только рождалось, то рождение это было бы бессущностно и в нём полновластно царствовало бы время. И смерть тогда не была бы ни в каком смысле проблемой – во всяком случае, не была бы проблемой духовной, ведь временное и определено к тлену (*«Бог дал, Бог взял»*, *«...ибо прах ты и в прах обратишься»*). Зачатые в минутном наслаждении без любви всегда духовно проблематичны и нередко экзистенциально ущербны, но и они, в конце концов, не безнадежны. На всяком существе человеческом почует если не любовь человеческая, то уж точно Любовь Божия. Зачатие же и рождение, озаренное творящим Духом Любви ещё и человеческой, выношенное и выстраданное чувством, как желанный плод неизбежно целостного соединения двух, даёт максимальную сущностность, оно обязательно определено к вечности. Определено любовью. У Платонова так: *«Он и сам не понял вначале, отчего он вдруг приник к земле, но, когда смерть стала напевать над ним долгой очередью пуль, он вспомнил мать, родившую его. Это она, полюбив своего сына, вместе с жизнью подарила ему тайное свойство хранить себя от смерти, действующее быстрее помышления, потому что она любила его и готовила его в своём чреве для вечной жизни, так велика была её любовь»* (*«Одухотворённые люди»*). И вот именно тут кричаще проступает катастрофизм падшести, в плену которой бессмертный Дух обуздан смертной плотью мира, обречен претерпевать прерывность душевного и разрывность телесного. Творящий Эрос – показывает Платонов – несёт в себе, как непреклонный смысл, веление вечности. Эрос материнства предназначает дитя вечности, а рождающее лоно матери выбрасывает его на поживу времени и тлену.

Всё преднамеренно временное, то есть всё то, что по замыслу имеет лишь временное значение и назначение, бессущностно, потому что лишено эротического Духа, не содержит в себе веления вечности. Эрос не мирится с временем. Любовь не мыслит себя во времени или на время. Что подчинилось времени, то перестало быть реальностью, сделалось химерой, потеряло смысл. Что утратило, или изначально не имело духовно-эротического требования вечности, то утратило бытийность, или изначально не содержало её, то есть либо стало, либо изначально было фиктивно. Ибо бытие эротично! Этот мир – мир падший – преимущественно фиктивен, ирреален, потому что безэротичен. Он ориентирован в большинстве своих явлений и проявлений на время, а не на вечность, не ищет вечного и не требует вечности. Вот отчего простые в духовном истолковании слова Андрея Платонова: *«...потому что она любила его и готовила его в своём чреве для вечной жизни, так велика была её любовь»* — могут казаться всего лишь «поэтической» гиперболой, в то время как выражают они – и без всяких преувеличений – первореальность Духа, которая глубже мира и больше мира, ибо она – прежде мира.

5...непроизвольно выросшее тело...

«...это были какие-то безымянные прочие, живущие без всякого значения, без гордости и отдельно от приближающегося всемирного торжества; даже возраст прочих был неуловим – одно было видно, что они – бедные, имеющие лишь непроизвольно выросшее тело и чужие всем...»

Три слова: «...непроизвольно выросшее тело...» — три слова, имеющие поистине непомерный смысловой вес. Так Андрей Платонов характеризует бездуховную плоть. Перед взором моим зияет пропасть этой непроизвольности, столь же жутко подмеченной Платоновым, сколь жутко недопонимаемой человеческим большинством. Нам всем довлеет плоть, непроизвольная в своём росте и разложении. Она жестоко доминирует на всех уровнях экзистенции: от тирании так называемых базовых инстинктов до самопроизвольного роста раковых клеток. Плоть падшего мира бессмысленна, поскольку подчинена времени. Плоть «непроизвольна», инстинктивна, то есть, не ответственна в своём рождении и смерти, не властна в своих проявлениях. Она бессущностна, ибо лишена Эроса, воли к вечности. Она есть голая природа. Позывы «непроизвольно выросшего тела» сексуальны, но безэротичны, инстинктивны, но бездуховны. Платонов говорит: «*Природа беспощадна и требует к себе откровенных отношений. Любовь – мера одаренности жизнью людей, но она, вопреки всему, в очень малой степени сексуальность*». («Однажды любившие»). Если плоть движима Любовью, то она уже не целиком «непроизвольна», а побуждается духовной *волей* Эроса. В падшем мире Эрос, нисходящий на плоть, порождает страшную драму Любви. Ведь Любовь творится как сущность и неизбежно требует для себя вечности, а подпадает времени, то есть, обречена пройти через испытание увяданием и смертью. Сама же по себе падшая плоть (весь ужас грехопадения в том и заключается, что плоть вообще способна быть «сама по себе»!) безэротична и потому бездраматична. Плоть способна манифестировать лишь кратковременную бессущностную сексуальность. Она бессильна не то, что реализовать, но даже востребовать вечность, как духовный смысл, а только востребованный и реализованный/реализуемый духовный смысл есть сущность, ибо сущность есть всегда восуществление Эроса ради вечности. Всё сугубо плотское временно. Плоть есть само время. «Наслаждение» временным уродливо, болезненно, и в любом случае ущербно. Оно неистинно, оно изначально отравлено ядом временности, мучительной заботой, предошущением неизбежной утраты. Истинное наслаждение возможно только в вечности. Временные смыслы вообще не есть смыслы, но лишь разнообразие бессмыслиц... – дурная бесконечность перманентно утрачивающегося, истлевающего, распадающегося в ничто.

Эрос есть *что*. Любовь есть *что* – конститутивный признак бытия. Любовь есть Дух, она есть смысл, она есть требование вечности. Это требование знакомо и сокровенно всякой душе, и с этой точки зрения можно сказать, что человек не имеет в падшем мире истинного наслаждения. Эрос мира отравлен ядом времени, пропитавшим мировую плоть. Вот почему высшие радости, которые доступны человеку в этом мире и которые могут быть отчасти соизмеримы с истинным наслаждением, есть не суетные радости ублажения плоти, а укоренённые в вере радости творчества. В них человек ближе всего подступает к Богу и к вечности, которая есть Дух Божий – единственный и одновременно абсолютный смысл, единственное истинное наслаждение, единственное истинное бытие. Всякая сущность эротична по интенции, по реализуемому и реализующемуся смыслу любви, «потому что Бог есть Любовь» /1 Иоан. 4, 8/.

6. ...равномерная тугая сила пружины...

Оторвавшись от Духа и, тем самым, лишившись смысла, плоть мира стала «непроизвольной» и от этого страдающей. А мировая душа, ожесточившись в страдающей плоти мира, отупела, сделалась *ровной*, почти неотзывчивой к вибрациям творящего Духа Любви. Да и сам Дух Любви страшно ослабел в падшем человеке – единственном тварном существе, носящем во плоти (воплощающем) прямое Духовение Божие. Нельзя говорить, что материальный мир стал по отпадению нацеленно жесток, он стал туп, равно-(роено) – душен, но само в себе равно-душие есть одна из тяжелейших форм жестокости. Первоначальная райская отзывчивость мироздания к творческой духовной новизне сменилась тупым материальным зачатием, рождением, произрастанием, ничему не внимлющим выживанием ради воспроизводства, бесконечным устареванием вплоть до отмирания и бесконечным же воспроизводством через

новое зачатие. Плотская природа впала в порочный круг *«вечного возвращения»*,¹ где *«вечное»* вопреки определению не имеет ничего от вечности и свободы, где властвует дурная бесконечность (закономерность) бессчётных временных циклов. Таким образом, материальная природа, – плоть падшего мира, сама по себе, – не знает сущности, не есть бытие, не есть *что*. В послании к Галатам Ап. Павел не просто указывает, а прямо тычет в разрыв и разлад между плотью и Духом: «Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти; Ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» /Гал. 5, 16–17/.

Вот как прорисовывается дурная бесконечность *«вечного возвращения»* у Платонова: *«Когда Захар Павлович был молодым, он думал, что когда вырастет, то поймёт. Но жизнь прошла без всякого отчета и без остановки, как сплошное увлечение; ни разу Захар Павлович не ощутил времени, как встречной твердой вещи, – оно для него существовало лишь загадкой в механизме будильника. Но когда Захар Павлович узнал тайну маятника, то увидел, что времени нет, есть равномерная тугая сила пружины. Но что-то тихое и грустное было в природе – какие-то силы действовали невозвратно. Захар Павлович наблюдал реки – в них не колебались ни скорость, ни уровень воды, и от этого постоянства была горькая тоска. Бывали, конечно, полые воды, падали душные ливни, захватывал дыхание ветер, но большие действовала тихая, равнодушная жизнь – речные потоки, рост трав, смена времен года. Захар Павлович полагал, что эти равномерные силы всю землю держат в оцепенении – они с заднего хода доказывали уму Захара Павловича, что ничего не изменяется к лучшему – какими были деревни и люди, такими и останутся. Ради сохранения равновесия в природе, беда для человека всегда повторяется. Был четыре года назад неурожай – мужики из деревни вышли в отход, а дети легли в ранние могилы, – но эта судьба не прошла навеки, а снова теперь возвратилась ради точности хода всеобщей жизни»* («Чевенгур»). Возвращение судьбы ради *«хода всеобщей жизни»*, *«равновесия в природе»*, во имя которой *«беда для человека всегда повторяется»* — вот это и есть убийственно схваченная художественным словом безэротичность, бессущность, небытийность падшей природы. Бездуховная, она и не может быть ни смыслом, ни участием к человеку, а только круговоротом слепого *ничтоженья*, только дурной бесконечностью *«вечного возвращения»*.

7. ...действием и силой судьбы...

Человек ранен бессмыслицей природы, которая в бездуховности *«вечного возвращения»* равнодушно (безэротично) отрицает его как сущность, как вечный смысл. Он – человек – противоречиво в самом себе и чувствует Бога в бесподобных образах мироздания и не может найти Бога в ледяном безучастии природы, в жестоком равнодушии *«возвращающейся судьбы»*. Дух человеческий, особенно Дух современного человека, заглянувшего в пустыни космоса, потрясён и угнетён величием и бестрепетным равнодушием природы, её красотой и глухотой, её бессущностной неотзывчивостью. Дух человеческий в плену² у падшей материи мироздания. Жизнь людей, если она проходит исключительно под диктатом плоти, если обозначена и озабочена лишь рождением, прокормлением, удовлетворением плотских нужд и новым рождением, есть безсущность, не-бытие, *ничто*.

Но человек не замкнут окончательно в не-бытии падшей природы, не обречён на то, что Платонов называет *«...тягость согбенной жизни, истраченной без сознательного смысла и погибшей без славы где-нибудь под соломенной рожью земли»* («Чевенгур»), Даже и после грехопадения в человеке обитает Эрос, искра Духа Божия. В нём не до конца истреблено первот-

¹ Вечное Возвращение – того же самого, или всех вещей (ewige Wiederkunft des Gleichen, Oder aller Dinge) – одно из основополагающих понятий философии жизни Фридриха Ницше.

² Дух человеческий в плену – с этой великой фразы начинается одна из самых вдохновенных книг русской религиозной философии, книга Николая Бердяева «Смысл творчества (опыт оправдания человека)» (1916)

варное *что*, не окончательно уничтожен смысл, как эротическая воля к сущности, и потому он способен реализовывать — и в своей собственной падшей природе, и в падшей по его вине природе мира — духовные смыслы, тем отчасти очтоживая природу, возвращая ей и самому себе сущностность, бытийность. *«Он хотел помочь, чтобы счастье, таящееся от рождения внутри несчастного человека, выросло наружу, стало действием и силой судьбы»* («Джан»), В этих наивных, — как часто бывает у Платонова, — даже нелепых, на первый взгляд, мыслях героя дышит последняя глубина, бродит творящий Дух Любви, сквозь них пробивается лучик Истины о богоданной сущности, заложенной в каждом человеке от его сотворения в Духе и таящейся в нём от плотского его рождения, как потенция *«счастья»*. *«Счастье»* же есть восуществление, ибо только восуществление совершается в Духе Любви. Счастье и есть то, и только то, что творится Духом Любви, что переживается эротически, как требование вечности и встреча с вечностью, как целостное чувство совершённости в *«действии и силе судьбы»*. Но трудно, страшно трудно *«счастью»* восуществления *«вырасти наружу»*, сделаться *«действием и силой судьбы»*, ибо падший мир лежит во зле бессущностного, судьба имеет тяжесть и косность материи, а материя природы, отпавшей от Духа, в превалирующем не-бытии чаще всего беспощадна к *«несчастному человеку»*.

8... разрушительное растение...

Только Любви дано преодолевать неменяемую сугубость плоти, то есть нарушать *естественный порядок* падшести. Только Любовь сотворяет образ и тем отчасти выправляет безобразие падшей природы, слепо и глухо *«верящей в своё действие и назначение»* («Джан»).

В проявлениях естественных (природных), в отправлениях сугубой плоти, есть неизбывно оскорбляющая человека безэротичность, есть угнетающая бессущностность, есть такое, чего он не может в себе любить, не может принять, не может пережить духовно-эротически, хотя повседневно принимает и переживает плотски: например, желудочно-кишечно (пищеварительно) или генитально (сексуально). Фрейд даже выделил в плотском становлении человека фазу инфантильной (догенитальной) сексуальности, а внутри неё специфические периоды оральной и анальной сексуальности. Всё это удобно вписывается в симптоматику падшей плоти, но совершенно чуждо Духу, лишено Эроса. Есть отталкивающая без-духовность и безобразие в отправлениях падшей плоти, диктующей человеку свои законы: цикличность отторгающих выделений, неизбежность нечистот и распада, наконец, последнего тотального разложения плоти в тлене. Человек с ужасом вынужден констатировать, что частично разлагается уже при жизни. Эти законы совершенно чужды живущей в человеке духовно-эротической воле к сущности, как вечному, нетленному образу совершенства. Они враждебны человеку как персоне, как красоте и красотой оправданной гармонии. Платон считал, что Эрос ведёт ум к истине, Аристотель говорил, что всем движет любовь к совершенной форме. И в той и в другой мысли частично отражается вечная Истина, мелькает Лицо Бога. Но естество падшей природы чуждо духовно-эротическому порыву человека, безучастно его потребности быть оправданным красотой, найти в красоте Истину, открыть и утвердить себя в совершенстве. Падшее естество не творится и не творит для пребывания в *сверхъестественном порядке* вечности. Оно рождается и рождает, поглощает, переваривает, усваивает и выделяет для функционирования и отмирания в *естественном порядке* времени. Андрей Платонов, до жути остро переживавший гнёт падшей плоти мира и столь же остро ощущавший витающий над плотью, но не слитый с нею Дух Любви, мог написать в «Чевенгуре»: *«В избе чевенгурца никто не встретил; там пахло чистотою сухой старости, которая уже не потеет и не пачкает вещей следами взволнованного тела...»* — соединив в одной короткой фразе и смертную тоску старости, иссыхающей в ущербе, и мучительное отвращение человека от плотских проявлений, и непобедимую жажду плотских волнений. С прямою почти невыносимой, запечатлел Платонов духовную травму плотью, от которой съживается и внутренне стареет ребёнок, впервые стал-

кивающийся с шокирующим без-образием неприкрытой плотской жизни: *«Мавра Фетисовна родила двоешек. “Снеслась, – сказал у ее кровати Прохор Абрамович. – Ну и слава богу: что ж теперь делать-то! Должно, эти будут живучие – моришки на лбу и ручки кулаками”.*

Приемыш стоял тут же и глядел на непонятное с искаженным постаревшим лицом. В нем поднялась едкая теплота позора за взрослых, он сразу потерял любовь к ним и почувствовал свое одиночество – ему захотелось убежать и спрятаться в овраг. Так же ему было одиноко, скучно и страшно, когда он увидел склепанных собак — он тогда два дня не ел, а всех собак разлюбил навсегда. У кровати роженицы пахло говядиной и сырым молочным телком, а сама Мавра Фетисовна ничего не чуяла от слабости, ей было душно под разноцветным лоскутным одеялом – она обнажила полную ногу в моришках старости и материнского жира; на ноге были видны желтые пятна каких-то омертвевших страданий и синие толстые жилы с окоченевшей кровью, туго разросшиеся под кожей и готовые ее разорвать, чтобы выйти наружу; по одной жиле, похожей на дерево, можно чувствовать, как бьется где-то сердце, с усилием прогоняя кровь сквозь узкие обвалившиеся ущелья тела» («Чевенгур»). В этом жутком «пейзаже» функционирования «непроизвольно выросшего тела» душа человеческая – нежная душа ребёнка, ещё не успевшего по-взрослому стерпеть с без-образием тленной плоти, – переживает адское одиночество, страх и стыд, от которого чувствуешь потребность сбежать, от которого хочется спрятаться, от которого можно безвозвратно утратить любовь к жизни.

Но в том же самом «Чевенгуре» мы встречаем откровение человеческой мечты о плоти идеальной, чистой, не опозоренной нечистотами падшести. Платонов передаёт смутные, но совершенно религиозные по сути, ощущения своего героя, простого человека, разглядывающего скульптуры: *«Дванов грустно вздохнул среди тишины... и снова оглядел колоннаду – шесть стройных ног трёх целомудренных женщин. В него вошли покой и надежда, как всегда было от вида отдалённо-необходимого искусства. Ему жалко было одного, что эти ноги, полные напряжения юности, – чужие, но хорошо было, что та девушка, которую носили эти ноги, обращала свою жизнь в обаяние, а не в размножение, что она, хотя и питалась жизнью, но жизнь для неё была лишь сырьём, а не смыслом, – и это сырьё переработалось во что-то другое, где безобразно-живое обратилось в бесчувственно-прекрасное».* Слово «бесчувственно», как почти все слова у Андрея Платонова, выступает в своём глубочайшем первичном значении. Оно не квалифицирует привычно понимаемую под словом бесчувственность поверхностную чёрствость, но пролагает нашему сознанию тропинку к самой мощной инстинктивной чувственности падшей плоти. Именно плоть с её инстинктивной чувственностью, обособившейся от Духа, есть то «безобразно-живое», что тяготеет над падшим миром и довлеет падшему человеку. «Бесчувственное» (без-чувственное) у Платонова означает не совершенно лишённое каких-либо чувств, а отрешённое от нечистых чувств падшей плоти, от автономных побуждений «непроизвольно выросшего тела». В повести «Джан» у Платонова есть два почти что рядом расположенные фрагмента, которые в совместности своей провидчески вскрывают муку падшести перед пропастью неустранимого противоречия между Духом и плотью:

1. *«Однако Чагатаев не мог вынести своего чувства к Вере на одной духовной и бесчеловечной привязанности, и он вскоре заплакал над нею, когда она лежала на кровати, по виду беспомощная, но улыбающаяся и непобедимая».*

2. *«Лишь рот портил Ксеню – он уже разрастался, губы полнели, словно постоянно жаждали пить, и было похоже, что сквозь невинное безмолвие кожи пробивалось наружу сильное разрушительное растение».*

С одной стороны (фрагмент 1) человек не может вместить себя в чистую духовность... он мучается бездействующей плотью, даже переживает духовность, как холод бесчеловечия, – и в этом есть элемент великой первоначальной Истины: Бог сотворил человека Духом во плоти, значит бесплотное безбожно и бесчеловечно. С другой стороны (фрагмент 2) плоть падшая, но

и в самой падшести своей неумолимо расцветающая к смерти, воспринимается чуткой душой как прорастание из человеческих недр чудовищного разрушительного растения. Пронзительный духовный взор Платонова уже в самом расцвете молодости улавливает не только пожирающее время, чреватое тленом, но и страшную бездуховную мощь *«непроизвольно выросшего тела»*, набирающий силу эгоизм, которому предстоит стать почти полновластным диктатором и в пределе разрушителем этой пресловутой непроизвольной телесности.

9...умер сразу от печали, если б знал истину про себя.

Большинство людей обыденности никогда не примет такие мысли, не разделит такие переживания, а если и заподозрит правду, никогда не легитимирует ничего подобного в собственной ментальности. Истина о мире мучительна, и без спасительной веры в Бога может даже представляться человеку убийственной. Платонову это так ясно, как простая гамма: *«Истиной он жить не мог, он бы умер сразу от печали, если б знал истину про себя. Однако люди живут от рождения, а не от ума и истины, и пока бьётся их сердце, оно срабатывает и раздробляет их отчаяние и само разрушается, теряя в терпении и работе своё вещество»* («Джан»), Жизнь в большинстве случаев начинается не в свете Истины, и даже не в согласовании ума, а в слепой тьме физиологии, в инстинктивной телесной непроизвольности. И сердце падшего человека бьётся и трудится не в Истине, а во всё том же *«непроизвольно выросшем теле»*, которое сначала непроизвольно растёт, а потом непроизвольно разрушается. Но осознать и принять неистинность собственного рождения в грешной плоти могут лишь те, кто видит мир духовным взором: *«Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном»* /Рим. 8, 5/. Очень метко желчное замечание Сиорана³:

«Если не прибегать к порядку более высокому чем душа, последняя утопает во плоти и физиология оказывается последним словом наших философских благоглупостей». Ведь если душа не воспримлет Духа, на раскрывает в себе Эроса, «дыхания жизни»⁴, то она обречена

³ Эмиль Мишель Чоран (рум. Emil Michel Cioran – во французском произношении – Сиоран); 8 апреля 1911 года, Решинари, Австро-Венгрия, ныне Румыния – 20 июня 1995 года, Париж) – румынский и французский мыслитель-эссеист.

⁴ «Дыхание жизни»: Прежде чем определить, что такое духовный смысл, мы должны ответить на основной вопрос – так сказать, вопрос вопросов, – что же такое Дух? Наша вера даёт нам уверенность в том, что Дух исходит только от Бога, а то тварное, что обладает Духом, получает его от Бога. Поэтому поставленный нами основной вопрос звучит так – что есть Дух Божий? Ключевыми для понимания здесь являются слова Торы: «Бе Руах Элохим мерахэфет...» («...и Дух Божий носился...»). Древнееврейское слово Руах, имеющее много значений, как то: *ветер, порыв воздуха, дыхание, дух, сущность*... соединяется здесь в смысловой напряженности со словом мерахэфет, обозначающим *парение, нежное заботливое витание*, но также содержащим в себе значения: *покрывать, защищать, лелеять, беречь, дрожать, трепетать*. Из этого соцветия оттенков мы извлекаем одно недвусмысленное и всеохватывающее значение – Любовь. Дух Божий – Руах Бога – есть не просто некое дуновение или некий порыв, Дух Божий есть дыхание Неизреченной Любви, неисчерпаемое и неукротимое желание (воление) творческого оплодотворения, всепобеждающая Воля к Творению. Таким образом, слово Руах (ruah), которым именуется в Книге Бырейшит, первой книге Торы, Дух Бога: «Вэ Руах Элохим мерахэфет аль-пнэй хамайм» /Бырейшит 1, 2/; (соответственно «и Дух Божий носился над водою» /Быт. 1,21), – означает неукротимое любовное желание, любовное стремление. Дух Бога – Руах – есть Дух Святой. Отец Сергей Булгаков говорит: «Святой Дух есть дух Божий; дух Божий – дух Отца и дух Сына – есть Святой Дух, Который есть не только Святой Дух, как Третья ипостась, но и дух Божий». И Дух этот есть Любовь. Некоторые авторы дефинируют Святой Дух как материнскую любовь Бога к Творению и твари, ссылаясь на то, что на иврит слово Руах – женского рода. А отдельные источники, напрямую дефинируют Руах, как любовное желание, указывая на параллель не только с греческим понятием *пневмы*, но и с греческим же понятием *Эроса*. В дальнейшем, говоря о Духе Божием, мы будем опираться на греческое слово Эрос. Оно означает для нас то же самое, что и Руах, – любовное желание, любовное стремление, – но более привычно и в то же время имеет в нашем контексте большую полемическую заострённость, ибо слишком часто обыденность именуется «эросом» («эротикой») и определяет как «эротическое» то, что в действительности к Эросу отношения не имеет и даже прямо ему противоположно. Итак, Дух Божий есть абсолютный Эрос – Неизреченная Любовь, безначальное и неукротимое любовное желание, заряженное беспредельной созидательной мощью («...отнимешь дух их – умирают... пошлешь дух Твой, и созидаются...» /Пс. 103, 30/). Руах – Дух Эроса – универсален и всемогущ в своей творящей силе. Он способен оплодотворить творческую личность любого индивидуального спектра. Дух Эроса обитает в абсолютном Творце и от Творца изливается на тварь. Творящей силой эротического Духа оплодотворены мысль всякого истинного мыслителя, око и слух всякого истинного художника, сердце всякого истинно любящего. Всё это есть вдохновение... в-Духновение... движение в твари Духа Эроса. Каждому человеку от сотворения (не от рождения, ибо рождается человек во плоти и от плоти, но прежде творится духовно, сотворяется из духовноэротического единения двух, вдохновенных Эросом половой любви) Богом

остаться узницей падшей плоти. Лев Толстой записывает в своём дневнике: *«Говорят: нет духовного начала, всё от тела. Если люди живут для тела, заняты только телом, никогда не борются с ним, то как же им думать иначе»*. Мука, с которой Дух переживает нелепицы и скверну плоти, – вот это самое платоновское *«безобразно-живое»*, – чужда, а чаще просто непонятна большинству, ибо они – большинство – целиком и без остатка во плоти, *«живут для тела и заняты только телом»*. Душевная стихия большинства целиком подчинена плоти, кондиционирована её проявлениями. Именно в инстинктивно проявляющей себя плоти, в скверне *«безобразно-живого»*, черпает человеческое большинство энергию тёмных желаний, в плену которых мечется обыденная жизнь, *«...я в скверне моей до конца хочу прожить, было бы вам это известно. В скверне-то слаще: все ее ругают, а все в ней живут, только все тайком, а я открыто...»* — этот поистине концептуальный взвизг Фёдора Карамазова выражает всю глубину пропасти, в которую рухнул мир, отпавший от Бога. Это боль и стыд Достоевского не только за других, но и за себя самого, ибо и его (как всех нас!) ввергала в рабство плотская скверна. Андрей Платонов с мудростью духовидца называет художество *«отдалённо-необходимым искусством»*, ибо оно и отдалено от скверной жизни повседневного человека и вместе с тем совершенно необходимо людям, как очищение и возвышение, как одухотворение и надежда, как единственная возможность если не созерцания, то хоть смутного осознания своего потенциального совершенства. По-своему Платонов утверждает то же самое, что раскрывается в пушкинских строках: *«Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»*. Для плоти и её нужд, владеющих мировой обыденностью, *«отдалённо-необходимое искусство»* никаким образом не истинно. Для души, Духа не воспринявшей, *«низкие истины»* плоти аксиоматичны и равны непрерываемому закону. Перед бестрепетным ликом *«низких истин»* плоти всякое восхождение и всё возвышенное – лишь мираж, обман, что-то безнадежно отдалённое. Но Дух знает, что возвышающее не есть обман, что творчество даёт душе воз-Дух, пространство о-Духо-творяющих восхождений. В частности, художественное творчество, то самое *«отдалённо-необходимое искусство»*, о котором говорит Платонов, – не не как хилое, вечно придирающееся и нытливое эстетство, не как *«претензия на рай в грехе»* (Бердяев), а как одно из самых могучих явлений Эроса, как посильно достигнутая красота, как сотворённый образ сущности – помогает человеку хотя бы духовно-символически преобразить свою падшую природу и падшую природу мироздания, эротически воспринять себя и мир в потенциальном совершенстве. *«Возвышающий обман»* — не обман, а реализация и потенция реальности, воля к сущности, восуществление в Духе.

10...на земной потухшей звезде...

Природа и сущность первоначального Творения едины. Вся плоть Творения одухотворена в меру, предопределённую ей Творцом. Природа Рая если и пассивна в сравнении с человеком, то всё равно неповреждённо сущностна, пронизана Эросом, Духом Замысла Божия. Это благая в своей целосущностности природа бытия, единое первотварное ***что***.

Но в богоотпадении материя природы и её духовная благодать претерпевает разрыв. Материальная природа падшего мира сама по себе не есть бытие, она есть не-бытие, ибо безблагодатна и бессущностна, и сколько бы ни воспроизводила сама себя, всё равно в сугубости своей она остаётся не-бытием, бессущностностью, абсурдом безлюбовного *эго*.

даётся это в-Духовение, даётся как «дыхание жизни»: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни...» /Быт. 2, 7/, «Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» /Рим. 5, 5/. Бог есть сама Любовь, сам Эрос, и Дух Божий в человеке есть универсальная эротическая воля, подвижность, летучесть, несущая в себе неукротимое стремление к творческому наслаждению. Эта-то эротическая воля и дарует смысл, раскрывая его как наслаждение творением, делает всякое истинное наслаждение духовно-творческим, стремится реализовать смысл Любви во всём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.